

Чудакова Марина Станиславовна

ПРОВОКАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА РОССИИ

Статья рассматривает широкий спектр взглядов деятелей политического сыска дореволюционной России на провокацию - наиболее одиозный метод политической борьбы

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 196-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. Статистический отчет о составе прокурорско-следственных кадров Псковской области за 1947 г. // Там же. Д. 49. Л. 1-6.
8. Статистический отчет о составе прокурорско-следственных кадров Псковской области за 1948 г. // Там же. Д. 67. Л. 1-8.
9. Статистический отчет о составе прокурорско-следственных кадров Псковской области за 1949 г. // Там же. Д. 87. Л. 1-8.

THE STRUCTURE AND DIRECTIONS OF THE ACTIVITY OF REGIONAL PUBLIC PROSECUTOR'S OFFICES OF THE USSR DURING THE FIRST POST-WAR YEARS (BY THE MATERIALS OF PUBLIC PROSECUTOR'S OFFICE OF PSKOV REGION)

Vasilii Vladimirovich Frolov
Department of Russian History
Pskov State Pedagogical University named after S. M. Kirov
frolov1406@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the structure and basic directions of the activity of regional Public Prosecutor's Offices of the USSR during the first post-war years (by the example of Public Prosecutor's Office of Pskov region). The author reflects the specificity of its formation in a newly formed region, presents the functional duties of the divisions of central and regional Public Prosecutor's Offices and pays attention to the importance of the use of state-legal traditions of the past in modern practice.

Key words and phrases: central Public Prosecutor's Office; regional Public Prosecutor's Office; Public Prosecutor; Public Prosecutor's assistant; investigator; supervisory activity.

УДК 930:001.92

Статья рассматривает широкий спектр взглядов деятелей политического сыска дореволюционной России на провокацию – наиболее одиозный метод политической борьбы

Ключевые слова и фразы: провокация; провокатор; секретная агентура; политический сыск; Департамент полиции; охранное отделение.

Марина Станиславовна Чудакова, к.и.н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
marichud@rambler.ru

ПРОВОКАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА РОССИИ[©]

Провокация всегда была неотъемлемой чертой политического сыска и политической борьбы. Однако никогда прежде она так не олицетворяла политическую атмосферу, как это имело место в последующие после поражения первой русской революции годы. Ее масштабы и применяющиеся методы были настолько одиозны, что вызывали неприятие даже у самих «классиков» и практиков политического сыска. Это и побудило автора обратиться к этому древнему и не уходящему в историю вопросу.

Система провокации в России изначально имела черты, обусловленные не только уровнем ее социально-экономического и политического развития, степенью обуржуазивания государственного аппарата, но и нравственными ориентирами русского общества.

Различные общественные классы вкладывали свое понимание в понятие провокации. Для революционера провокатор – это член революционной группы, «продающий» своих товарищей и доносящий о деятельности организации жандармскому управлению или охранному отделению. В данном случае не имело принципиального значения, состоит данное лицо в штате охраны или зарабатывает осведомительством и единичными доносами. Департамент полиции и его органы в регионах вкладывали в это понятие совсем иное содержание и были убеждены, что провокаторов на службе не держат. Циркуляры Департамента полиции – тому яркое подтверждение. В них, как правило, Департамент сообщал местным органам политического сыска фамилии секретных сотрудников, уличенных в провокаторстве и утративших, вследствие этого доверие, и, потому, не подлежащих приему на службу.

Обратимся к мнению тех, кто в разное время возглавлял политический сыск России. А. В. Герасимов (с февраля 1905 г. по апрель 1909 г. – начальник Петербургского охранного отделения, 1909-1913 гг. – генерал для поручений при министре внутренних дел) считал, что «провокация – это искусственное создание преступления» [5, т. 3, с. 1]. М. И. Трусович (Директор Департамента полиции с 13.06.1906 по 9.09.1909) понимал под ней «проявление инициативы агента в деле преступления» [Там же, с. 212]. А. И. Спиридович (в 1903-1905 гг. – начальник охранного отделения в г. Киеве; с 1.01.1906 зав. дворцовой агентурой в Царском селе) видел в провокации «соучастие чинов розыскных органов ... в революционной работе, с целью пресечения затем таковой» [Там же, с. 29]. Провокацией признавалось также участие в деятельности, которая

способствовала либо воссозданию организации, либо вовлечению в нее новых членов [Там же, т. 1, с. 77]. Такова, например, точка зрения Е. К. Климовича (Директор Департамента полиции с 1.03.1916 по 15.09.1916). С. Виссарионов (Вице-директор Департамента полиции с 12.01.1908 по 23.06.1913) понимал под провокацией «подстрекательство сотрудников к учинению преступления» [Там же, т. 3, с. 444].

П. Г. Курлов (Товарищ министра внутренних дел с октября 1909 г. по октябрь 1911 г. В 1916 г. – Товарищ министра внутренних дел с заведованием делами Департамента полиции) давал развернутое определение провокации, связанное не столько с инициативой сотрудника, сколько с желанием его руководства, когда данному агенту рекомендовалось занять более или менее заметное положение в партии или организации. «Вот против такой системы я, безусловно, восстал немедленно», – отмечал он [Там же, с. 187]. М. И. Трусевич полагал, что, «если лицо участвует в собрании, но не ставит себе целью совершение преступления, а ставит себе целью осведомление, то едва ли тут будет состав преступления» [Там же, с. 212]. Сходную мысль высказывает А. А. Макаров (Товарищ министра внутренних дел, зав. Департаментом полиции с 18.05.1906), отмечая: «Такой сотрудник, который с одной стороны участвовал в действиях, наказуемых уголовным законом, а с другой, не допускает никаких революционных действий, ограничивая свою деятельность исключительно осведомлением» [Там же, т. 2, с. 95]. Таким образом, в состав преступления, предусмотренного ст. 102 Уголовного уложения, по мнению этих деятелей сыска, входит и мотив его совершения.

Провокационные методы, однако, могли использоваться не только секретными агентами, но и жандармскими офицерами. Именно об этом говорил А. И. Спиридович, отмечая важность наличия умысла в действиях последних. «С одной стороны, есть провокация злонамеренная, когда чин ... отлично знает, что делает, и, тем не менее, это делает, с другой стороны, есть провокация от незнания, от неопытности. Я эти две провокации разделяю» [Там же, т. 3, с. 29].

Отношение к провокации в целом распадается на два момента: 1) отношение к членству в оппозиционных организациях; 2) отношение к активному участию в революционной деятельности. По мнению А. А. Макарова, член организации никак не проявивший себя в революционной деятельности – лицо ненаказуемое [Там же, т. 2, с. 95]. С ним согласен П. Г. Курлов, отмечая, что «принадлежность к партии не влечет за собой заключение в тюрьму» [Там же, т. 3, с. 187]. М. И. Трусевич более категоричен: «Агент и входит в эту шайку, чтобы не допускать преступления, его обязанность и сводится к предупреждению преступлений» [Там же, с. 212]. Более близка к реалиям России точка зрения А. В. Герасимова, который полагал, что, с одной стороны, участие в революционных организациях преступно (и он никогда секретным сотрудникам этого не поручал), но в интересах дела сотрудники иногда входили в них, так как иначе невозможно освещать деятельность противоправительственных организаций [Там же, с. 3]. Закономерно будет предположить, что это делалось с молчаливого согласия руководства. Достаточно противоречиво мнение по этому вопросу А. И. Спиридовича: допуская возможность иметь осведомителей – членов революционных организаций, он, в то же время, не признавал «активных работников-революционеров как осведомителей» [Там же, с. 30]. Интересна точка зрения И. М. Золотарева, считавшего, что изучение членами какого-либо сообщества вопросов революционной теории, само по себе не есть преступление, однако, если организация состояла «именно только из одних агентов» квалифицировалось им как преступление [Там же, т. 5, с. 57-58]. Не считал преступлением принадлежность к антиправительственной организации и В. Ф. Джунковский [Там же, с. 73].

Отметим, что в Своде законов, изданном в 1842 году, статья 268 гласит: «Участвующие и управляющие незаконными тайными обществами ... наказываются как государственные преступники» [7, с. 60]. Позднее статья 102 Уголовного уложения предусматривала ответственность именно за принадлежность к партии. Таким образом, большинство руководителей политического сыска, за исключением Е. К. Климовича, считающего принадлежность к организации преступлением, полагали, что она таковым не является. В своей деятельности, следовательно, они руководствовались не законодательством, а интересами дела и личным усмотрением.

Рассмотрим подробнее второй момент – участие в революционной деятельности. «Казалось, юридически, заявление законной власти о том или ином преступлении снимает с участника непосредственное обвинение в участии, – полагал Е. К. Климович, – с другой стороны, до какой степени допустимо это – вопрос очень большой и очень острый. Допустимо ли участие в революционной организации? Совершенно отказаться от этого участия – значит, потерять возможность информации» [5, т. 1, с. 77]. Резко отрицательное мнение высказывает в этом отношении М. И. Трусевич: «Недопустимо участие в преступном деянии». Рейнбот отмечает, что это дело «безнравственности сотрудника шпионить и доносить, ... но допускать, чтобы он принимал участие!» [Там же, т. 7, с. 126]. Аналогичная точка зрения и у И. М. Золотарева [Там же, т. 5, с. 57].

Обратимся к инструкции о внутреннем наблюдении, п. 4 которой гласит: «Это не значит, что секретный сотрудник должен уклоняться от всякой активной работы, возлагаемой на него организацией» [Там же, т. 3, с. 190]. О таких случаях сотрудник должен был донести заведующему розыском, который, в свою очередь, принимал меры для предупреждения преступления.

Итак, каков же идеал секретного сотрудника? Какова грань между простым выполнением обязанностей и совершением преступления, между активностью и пассивностью? Показателен пример, приведенный А. И. Спиридовичем: «В комнате собралось сообщество, решается вопрос о каком-нибудь революционном преступлении. Сидит в этой комнате 10 человек, одиннадцатый вносит чай. Он не принадлежит к этому кружку, но знает тех, кто здесь сидит и служит в качестве осведомителя. ... Иными словами: допустимо только знать, но знать через источник, который сам не работает» [Там же, с. 29]. Однако по мере возрастания интенсивности и размаха революционного движения стало очевидно, что без активной работы

сотрудника в противоправительственной организации невозможно добиться необходимой информированности о ее деятельности.

Попытка юридически обосновать институт сотрудников была предпринята П. А. Столыпным. Инструкция о секретной агентуре имела своей целью обобщение приемов и методов работы с ней многочисленных жандармских управлений и охранок. Однако ни той, ни другой функции инструкция не выполнила. Отметим, что каждое учреждение сыска имело свои, вырабатываемые годами, способы работы с агентурой. Да и сама инструкция, являясь актом подзаконным, нарушала российское законодательство. Она не только разрешала сотрудникам членство в антиправительственной организации, но и поощряла саму противоправительственную деятельность. «Деятельность секретных сотрудников только тогда приобретет значение, когда будет направлена на изобличение революционных деятелей», – отмечалось в инструкции [1, с. 198]. Итак, интересы политического сыска ставились выше законности и правопорядка. Департамент, судя по инструкции, не только допускал участие агентов в деятельности революционных организаций, но и поощрял их к усилению ее интенсивности, скрывая впоследствии таковую от следствия и суда. Известно немало случаев, когда охранка снабжала своего сотрудника паспортом и деньгами, с целью избегания ответственности за участие в революционном движении. Особо подчеркнем п. 8 названного документа, запрещающего агентам заниматься провокацией: «Секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым провокаторством, то есть сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность содеянного ими других лиц, игравших в этом деле второстепенную роль» [5, т. 3, с. 449].

В качестве промежуточного вывода заметим следующее. Грань между провокаторством и сотрудничеством слишком условна. Диаметрально противоположные точки зрения руководителей сыска – яркое тому подтверждение. «Розыски настолько деликатная вещь, – писал А. И. Спиридович, – что, если их будет вести человек плохих нравственных устоев, он эту тоненькую линию всегда перейдет» [Там же, с. 29]. В абсолютном большинстве случаев ни МВД, ни Департамент полиции не карали за переход этой прозрачной границы, разделяющей сотрудничество и провокаторство. Однако отметим все же отдельные случаи осуждения жандармских офицеров за чрезмерно активную «революционную» работу. Так, на допросе в 1917 г. М. С. Комиссаров свидетельствовал: «В Екатеринбурге в течение года 9 типографий открылось – конкуренция была!». Такая ситуация была результатом деятельности начальника охранки Кременецкого. По свидетельству М. И. Трусевича, во Владивостоке жандармский офицер был предан суду и осужден на ссылку. Причиной такого радикального решения явился отчет офицера об аресте типографии. Впоследствии выяснилось, что работали в ней только сотрудники охранки. «Я должен был выдержать некоторую борьбу с Корпусом жандармов и добился того, чтобы Заварницкий был осужден», – отмечал М. И. Трусевич [Там же, с. 211].

На протяжении многих лет лишь периодически некоторыми руководителями политического сыска велась борьба с нечистоплотными приемами розыска. В этом отношении примечательна фигура В. Ф. Джунковского, избавлявшегося от тех коллег, которые, по его мнению, нарушали все этические нормы (Виссарионов, Белецкий, фон Коттен).

Заслугой В. Ф. Джунковского является упразднение агентуры в учебных заведениях. «Чтобы ни один учащийся в агентуре больше не был», – требовал он [Там же, с. 70]. Он полагал, что иметь секретных сотрудников в войсках, среди рядовых – это «разврат и развал армии» и «дальше терпеть это нельзя». На допросе в 1917 году он привел вопиющие факты безнравственности, которые лежали в основе принципов работы военной агентуры: «В Туркестане... было восстание в одном из саперных батальонов; говорили, будто это восстание произошло вследствие того, что сотрудник из солдат не давал сведений, что ему передали прокламации и приказали распространить их, а затем посмотреть, у кого они найдутся» [Там же]. Джунковский, будучи еще офицером армии, знал, какие инциденты возникали в результате вмешательства политического розыска в армейскую жизнь, и считал это вредным и недопустимым явлением [9, с. 104]. В своей деятельности он столкнулся с сопротивлением местных чинов политического сыска. Вынужденным шагом было издание приказа о том, что «если еще раз будет замечено это, то лицо, которое их привлекало, ... будет моментально отрешено от должности и предано суду за неисполнение приказа» [5, т. 5, с. 71]. В этом отношении Джунковский находил поддержку со стороны министра внутренних дел Н. А. Макарова и великого князя Николая Николаевича.

Однако неверно было бы считать, что вопросы провокации возникли и актуализировались лишь в XX веке. Эта проблема, а также тесно связанный с ней вопрос взаимоотношений различных ветвей карательных органов в раскрытии преступных деяний были подняты в «Записке Муравьева о политическом розыске», датированной 5 июля 1895 года [4, с. 179-181]. Успешность политического преследования автор связывает с единением чинов политического сыска, прокурорского надзора и министерства юстиции, исключив ненужную конспиративность в их взаимоотношениях. Возможно, впервые в «Записке» звучит призыв бороться не с проявлениями недовольства, а обратить внимание на «источники, их питающие, среду, их поставляющую, на различные течения в ней» [Там же, с. 184]. Подчеркивается настоятельная необходимость оздоровления общественных и бытовых условий.

Растущее и усиливающееся революционное движение имело тенденцию к повышению конспирации, уничтожению улики, революционеры отказывались от дачи показаний. Органы политического сыска, поэтому, иногда использовали провокацию не только как средство создания недостающих улик, но и как способ снижения взаимного доверия в среде революционеров (появление «шпикомании»), дестабилизировавшего деятельность противоправительственных организаций.

Воспоминания деятелей политического сыска позволяют сделать вывод о том, что использование органами сыска провокаторских приемов имело объективные и субъективные причины. К первым из них относятся реорганизации системы органов сыска, ко вторым – личность их руководителя. Так, Л. Меньщиков отмечал, что при Зубатове провокация имела такой утонченный вид, «что оставалась незамеченной, она не принимала зачастую такой явно преступный и даже скандальный характер, как у его учеников и последователей» [3, с. 42].

П. Г. Курлов в своих воспоминаниях отмечал, что организация Районных охранных отделений, произведенная М. И. Трусевичем, потребовала новых людей, каковых у последнего не было. «Он поневоле стал хвататься за всякого человека, не только проявившего в политическом розыске необходимые способности, но и за ловких людей, умевших показать товар лицом». «Поощряя таких дельцов, – продолжает Курлов, – М. И. Трусевич не стеснялся никакими правилами и назначал Начальниками Районных охранных отделений молодых офицеров, которым подчинял старших их товарищей». Повышение в чинах, награды раздавались жандармским офицерам, сумевшим обратить на себя внимание вне всяких правил и законов. М. И. Трусевич оценивал успешность работы розыскных офицеров по количеству сообщенных ими сведений, «забывая, что в известной местности революционное движение может совсем не существовать или проявляться в крайне слабой форме»..., и это не являлось, конечно, виной заведующего розыском. П. Г. Курлов считал М. И. Трусевича «бессознательным попустителем ... провокации» [2, с. 86].

П. Г. Курлов в воспоминаниях излагал свою точку зрения на провокацию. Думается, она является наиболее типичной для руководителей политического сыска. Под провокацией он понимал «организацию или пособничество к преступлению в целях личного успеха и выслуги перед начальством». По мнению Курлова, нельзя считать провокацией случаи, когда сотрудник охраны выдает, в целях личной безопасности, только часть известных ему сведений. «Искусство политического розыска, – отмечал он, – в том и заключается, чтобы по полученным ... сведениям воссоздать полную картину готовящегося преступления» [Там же, с. 120]. Именно мерой предосторожности считает Курлов присутствие сотрудника в революционной организации. Общий же взгляд на провокацию таков: «Если революционное движение есть результат деятельности сотрудников, то наличие их на службе у правительства недопустимо, если же оно существует и будет развиваться независимо от них, а при помощи других лиц, то наличие сотрудника – абсолютная необходимость» [Там же, с. 120-121]. Он отмечал, что использование секретных сотрудников было санкционировано инструкцией Районного охранного отделения, изданной Трусевичем. Курлов писал также, что фраза о необходимости продвижения сотрудника к центру организации могла быть расценена двояко и неоднозначно. С одной стороны, это могло быть продвижение, вызванное партийными условиями, с другой – форсированное стремление к центру организации при помощи мер, предпринимаемых руководителями сыска. Последнее Курлов считал крайне опасным. Он свидетельствовал, что «воспринимал всякое участие сотрудников в активных действиях партии и допускал ... продвижение лишь естественным порядком: путем замещения самой организацией сотрудниками арестованных или уехавших членов группы» [5, т. 3, с. 122]. Однако, известно, что вышеназванные условия создавались также и самой охранкой и регламентировались п. 23 Инструкции о внутренней агентуре. Он гласил: «Производя ликвидации, никогда не следует арестовывать всех, окружающих сотрудника, оставляя его одного на свободе, но надлежит оставлять около него нескольких лиц более близких и менее вредных или дать ему возможность заранее уехать по делам партии или, в крайнем случае, арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улик» [Там же, с. 452-453]. Таким образом, в данном случае применялся зубатовский принцип «на разводку».

П. Г. Курлов считал недопустимой «так называемую центральную агентуру, то есть наличие сотрудников, которые стояли в центре боевых организаций или, с другой стороны, секретных агентов, имевших непосредственные связи с Департаментом полиции, помимо местных розыскных учреждений» [2, с. 122]. Таким образом, еще со времен С. В. Зубатова, наиболее выгоден, видимо, был секретный сотрудник, занимающий межпартийное положение, имеющий широкий круг знакомств в оппозиционной среде.

Итак, откровенно провокационная деятельность чинов охраны, ГЖУ и их секретных агентов, которых в период с 1880 г. по 1917 г. насчитывалось около 10 000 [6, с. 235], как правило, не приветствовалась центральными органами сыска. Однако на определенных этапах развития последнего необходимо отметить значение субъективного фактора, когда провокаторские приемы работы поощрялись и использовались наряду с фальсификацией, подлогом, клеветой, созданием слухов. Все эти меры, вместе взятые, представляли собой комплекс оперативных приемов работы карательно-розыскных органов дореволюционной России.

Член Государственной Думы Маклаков на заседании 13 февраля 1909 г. отмечал: «Правительство в плену у охранников, у охранного отделения есть своя политика, свой враг, есть свое зло, с которым оно борется: это здоровое отношение законности, довольства, доверия к власти и общая работа на общую пользу; этим убивается революция, но вместе с тем убивается и охранка. И потому, у него другая политика, политика определенная: раздражать общество, возмущать общество, ослаблять общество, бороться с обществом, наконец, как венец всего этого, поддерживать атмосферу беззакония и произвола» [8, с. 39].

Список литературы

1. Агафонов В. К. Заграничная охранка. Петроград, 1918.
2. Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992.
3. Меньщиков Л. П. Охрана и революция. М., 1932. Ч. 3.
4. Муравьев Н. В. Записка Муравьева о политическом розыске: сборник материалов и статей. М., 1924. Вып. 1

5. **Падение царского режима:** стенографические отчеты допросов комиссией Временного правительства: в 7-и т. М. - Л., 1924-1927.
6. **Перегудова З. И.** Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000.
7. **Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая Павловича, составленный (Законы уголовные) в 1842 году.** Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. Кн. 1.
8. **Шинджикашвили Д. И.** Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.
9. **Эренфельд Б. К.** Тяжелый фронт: из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1979.

PROVOCATION AND ITS ROLE IN THE ACTIVITY OF THE RUSSIAN BODIES OF POLITICAL INVESTIGATION

Marina Stanislavovna Chudakova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
marichud@rambler.ru

The article considers the wide spectrum of the views of the figures of political investigation of pre-revolutionary Russia on provocation as the most odious method of political struggle.

Key words and phrases: provocation; provocateur; secret agency; political investigation; Police Department; Security Department.

УДК 93

В статье рассматриваются основные принципы подбора, комплектования, обучения и воспитания личного состава территориальных органов государственной безопасности СССР. Автор приходит к выводу, что и сегодня российские спецслужбы нуждаются в осознанной поддержке населения в деле защиты базовых интересов государства, в том числе и с учетом исторически-объективного опыта деятельности органов КГБ. Подобная помощь и поддержка невозможна без доверия к кадрам и действиям спецслужбы, так как профессионально обусловленные закрытость и секретность объективно не соответствуют укреплению такого доверия.

Ключевые слова и фразы: государственная безопасность; специальные службы; КГБ СССР; территориальные органы безопасности; Курская область; подбор, комплектование и воспитание личного состава органов КГБ СССР; реабилитация.

Александр Иванович Шуров

Кафедра истории и социально-культурного сервиса
Юго-Западный государственный университет
avilova_nl@mail.ru

КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ КГБ СССР (НА ПРИМЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ КГБ СССР ПО КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)[©]

Основной и ведущей силой органов безопасности являются кадровые сотрудники, то есть должностные лица, состоящие на официальной службе в разведке или контрразведке, имеющие специальную подготовку, получающие заработную плату, пользующиеся привилегиями, определенными для государственных служащих этого ранга. Все лица, принятые в органы безопасности, объединяются понятием «личный состав органов безопасности».

Характерной чертой советских спецслужб была жесткая централизация и комплексный характер деятельности, а также продуманная кадровая политика. Образовав в марте 1954 г. Комитет государственной безопасности, ни Верховный Совет СССР или его Президиум, ни Совет Министров СССР не приняли никакого правового акта, регламентирующего деятельность спецслужбы. Фактически специфическая оперативно-служебная деятельность сотрудников центрального аппарата и территориальных подразделений органов КГБ в сфере разведки и контрразведки регламентировалась закрытыми решениями ЦК КПСС и его Политбюро, а точнее, отделом административных органов ЦК, и ведомственными нормативными актами [3, с. 63]. Тем не менее, руководство КГБ СССР сумело выработать и внедрить в сознание руководителей местных органов, а те, в свою очередь, в повседневную работу чекистских коллективов основные принципы подбора и расстановки кадров, требования к их поведению.

КГБ СССР имел целую сеть учебных заведений. Высшая Краснознаменная школа КГБ им. Ф. Э. Дзержинского (главная «кузница кадров») давала подготовку по пятидесяти иностранным языкам, знания по специальным предметам, высшей математике, физике и др. Профессорско-преподавательский состав специальных учебных заведений добивался, чтобы их слушатели, получив соответствующую профессиональную подготовку, обладали еще и такими качествами, как высокие морально-этические принципы, навыки мгновенной оценки ситуации, сбора информации и ее анализа, способность оперативно принимать грамотные решения и правильно реагировать на критику и др. [8, с. 210]. Кадры для курских чекистов из числа лиц,